

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Тихонов А.С., Семенов В.Г., Михайлова Р.В., Агаева Е.В., Воробьев Д.Н., Иванова Е.Н., Сергеева Н.А. — От когнитивной археологии к теории развития разума, вовлечённого в материальный мир. Основания теории материальной вовлеченности Л. Малафуриса // Философская мысль. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.1.39600 EDN: BRAMLU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39600

От когнитивной археологии к теории развития разума, вовлечённого в материальный мир. Основания теории материальной вовлеченности Л. Малафуриса

Тихонов Анатолий Сергеевич

доктор философских наук

профессор, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ tihonov.1957@gmail.com**Семенов Владимир Григорьевич**

доктор биологических наук

профессор, кафедра морфологии, акушерства и терапии, Чувашский государственный аграрный университет

42800, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ semenov_v.g@list.ru**Михайлова Рената Васильевна**

доктор философских наук

профессор, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

42800, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ kafood18@yandex.ru**Агаева Екатерина Васильевна**

кандидат исторических наук

доцент, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ ekagaeva@yandex.ru**Воробьев Дмитрий Николаевич**

ORCID: 0000-0002-0581-4500

кандидат философских наук

ст. преподаватель, Русский институт метатеchnологий (Институт iSpring)

424000, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Вознесенская, 110

✉ vorobjov.d@gmail.com**Иванова Елена Николаевна**

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ ien161110@mail.ru

Сергеева Надежда Александровна

старший преподаватель, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ vospitsna@list.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.1.39600

EDN:

BRAMLU

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2023

Дата публикации:

17-01-2023

Аннотация: Целью исследования является выявление концептуальных оснований теории материальной вовлеченности (Material Engagement Theory) Ламброса Малафуриса. Для осуществления цели нами были использованы сравнительно-исторический и аналитико-интерпретативный методы, которые позволили эксплицировать генезис, основные допущения и понятия этой теории. В частности, нами показано, что теория развития разума, вовлечённого в материальный мир, возникает в русле когнитивно-процессуальной археологии, основоположником которой является Колин Ренфрю. Привлекая свидетельства материальной культуры, её сторонники пытаются ответить на вопрос возникновения и развития когнитивных функций человека. Для поиска ответа на этот вопрос, Малафурис использует трактовку разума как расширенного во внешний мир, использует метафору творческой динамической коэволюции. Разум возникает и функционирует в ходе продолжающегося процесса взаимной энаktivации воплощенного разума и материальной среды обитания. Для выявления особенностей трактовки этой коэволюции, мы эксплицировали ключевые понятия теории материальной вовлеченности: метапластичность, материальная агентность и материал-энаktivирующая сигнификация. Они характеризуют эффекты процесса когнитивно-материального взаимодействия. Научная новизна заключается в том, что исследование вносит вклад в осмысление эвристического потенциала теории

материальной вовлеченности, формирующейся в рамках исследовательской программы воплощенного познания.

Ключевые слова:

воплощенное познание, энактивизм, сигнификация, материальный знак, когнитивная наука, нейроархеология, расширенное познание, теория материальной вовлеченности, материальная агентность, энактивный знак

В последние годы продолжается развитие «экстерналистской парадигмы» в современной философии и когнитивной науке. Одной из плодотворных попыток по-новому осмыслить процесс человеческого сознания за счет включения в поле научно-философской рефлексии реальных условий жизнедеятельности человека является исследовательская программа «воплощенного познания» (*embodied cognition*). Ключевая идея этой программы – идея укоренённости познания в опыте взаимодействия физического тела с окружающим миром. Одним из перспективных направлений, получившим развитие в рамках программы «воплощенного познания», стала теория материальной вовлеченности (*Material Engagement Theory*) Ламброса Малафуриса.

Эта концепция возникла как вторая волна когнитивно-процессуальной археологии, основоположником которой был учитель Малафуриса, известный английский археолог Колин Ренфрю [\[41\],\[42\],\[43\],\[44\],\[46\],\[47\]](#). Когнитивно-процессуальная археология была призвана объяснить как «использовать существующие методы археологического исследования для изучения раннего использования символов и развития когнитивных процессов» [\[46, с. 4\]](#); каким образом археология, как наука о формах материальной культуры человека (а к таким формам относятся конкретные воплощения социально-культурных практик в вещах, артефактах, предметах и материальных знаках), может стать партнером когнитивных наук, изучающих становление человеческого разума [\[46, с. 4-12\]](#). Исследуя то, как возникают знаки и символы, как фактически использовались символы предками современных людей, когнитивная археология пытается ответить на два вопроса. Во-первых, на вопрос об эволюции когнитивных способностей от более ранних форм жизни, через ископаемых обезьян к австралопитеку, *Homo habilis*, *Homo erectus* и *Homo sapiens*. Во-вторых, в какой степени мышление *Homo sapiens* в ранних обществах отличалось от «современного мышления» [\[46, с. 6\]](#).

Малафурис заявляет, что в поиске ответов на эти вопросы, ученым, вслед за археологами, необходимо вернуться к вещам; нужно всерьез отнестись к материальности человеческого тела, культуры и самого разума. Человеческий разум, для Малафуриса, это не «бесплотный призрак системы обработки информации, пойманный в лабораториях нейронаук» [\[28, с. 133\]](#), а эффект материально опосредованного действия. Малафурис заявляет о важной роли творчества, создания новых инструментов и материальных форм, взаимодействия с материальными объектами, телами для понимания разума и процесса становления сознания человека как вида [\[27\],\[29\]](#). Он считает, что артефакты – это не внешние продукты человеческого мышления, а скорее интегральные части самого процесса мышления, поэтому изучая артефакты можно изучить человеческое мышление.

Концепция материальной вовлеченности была разработана в ряде работ Ламброса Малафуриса, написанных единолично и с коллегами, а в систематическом виде теория была изложена в книге 2013 года «Как вещи формируют разум: теория материальной

вовлечённости» [28]. Идеи этой концепции конвергентны принципам концепций радикального энактивизма (см: [18],[12]), расширенного сознания [13], распределенного познания (см: [16],[17]), акторно-сетевой теории (см: [23] и др.) и постфеноменологии [20],[19].

Малафурис представляет взаимодействие между людьми и вещами опираясь на принципы реляционно-холистической онтологии [28, с. 35]. В концепции Малафуриса материальные вещи не являются пассивным материалом, который использует человек в своей деятельности; они обладают некоторой «агентностью», т.е. способностью быть агентами действия, воздействовать на человека. Человек, как биосоциальное существо, трансформирует окружающую среду, творит и использует артефакты, которые, в свою очередь, задают условия и возможности человеческой жизнедеятельности. Человеческий мозг, человеческое тело и деятельность, а также продукты этой деятельности (такие как инструменты, знаки, материальные вещи), не существуют по отдельности, они вовлечены в континуум взаимодействия. В этом континууме нет центра и периферии, нет внутреннего мира и внешнего, объекта и субъекта. Агентность не является свойством людей или вещей, а скорее возникает как эффект или свойство процесса материального взаимодействия [28, с. 18].

Критика когнитивизма и теории репрезентации

Центральное место в теории Малафуриса занимает критика «традиционного когнитивизма» в психологии и теории репрезентации. Когнитивизм, возникший в 1950 гг., а стал доминирующим в 1970-е гг, характеризует использование метафоры разума как вычислительного устройства. Разум находится в мозге человека и занимается вычислениями. В ходе этих вычислений происходит обработка информации из внешнего мира и во внутренней памяти разума накапливаются репрезентации реальности. Психические процессы рассматриваются по аналогии с вычислительными процессами в компьютере [15, с. 215-226]. Когнитивизм, в таком понимании, относится к т.н. интерналистским, «интракраниальным» теориям разума и строится на следующих допущениях: разум находится внутри человека и локализован в мозге; следует проводить четкую границу между когнитивными (внутриголовными) процессами и процессами взаимодействия разума с внешней, некогнитивной, материальной средой; репрезентации существуют только в сознании; артефакты – продукты человеческой деятельности во внешнем мире. (см. подробнее: [10, с. 43-64]).

Малафурис критикует картезианство и интерналистскую трактовку разума, возникшую в традиционном когнитивизме, с позиций теории воплощенного (*embodied mind / cognition*) [51], энактивного [4] и расширенного познания (*extended cognition*) [13],[14]. Для энактивного подхода, не существует центра, из которого происходит познание [38],[18]. Всё когнитивное становление является результатом непрекращающегося взаимодействия между мозгом, телом и окружающей средой. Ключевым понятием становится *опыт*, понимаемый как контекстуальный и воплощенный. Мир энактивирует разум. Последний, в свою очередь, энактивирует окружающую среду. Так мир и разум начинают обуславливать друг друга [4, с. 173-174],[3].

Познавательная метафора компьютера непродуктивна потому, что она основана на недопустимом упрощении и не учитывает реальные параметры существования человека как биосоциального существа, не может объяснить, как возник и эволюционирует этот компьютер. По Малафурису, противопоставление разума и материи, субъекта и объекта

является категориальной ошибкой. Критикуя теорию репрезентации в когнитивизме, она пишет, что репрезентация здесь – это лишь «механизм, с помощью которого мы можем питать наш когнитивный аппарат фактами и информацией внешнего мира» [\[28, с. 26\]](#), что «единственные репрезентации, имеющие существенное или реальное значение для человеческого познания, обнаруживаются вне головы» [\[28, с. 31\]](#).

Вместо вычислительной метафоры, Малафурис предлагает использовать метафору творческой динамической коэволюции. Разум возникает и функционирует в ходе взаимной энактизации воплощенного мозга и окультуриваемой материальной среды обитания. Познание есть производство смыслов в процессе динамического взаимодействия воплощенного мозга и форм материально-технической культуры. При этом разум не локализован в «пространстве между ушами», т.к. невозможно четко отделить мозг от нервной системы, а работу нервной системы от работы других физиологических систем, отделить разум от продуктов деятельности разума. Разум, с этой точки зрения, уже не только «движущее начало» материального взаимодействия, но эффект этого процесса. Артефакты – это не столько внешние продукты человеческого мышления, а скорее интегральные части самого процесса мышления. По Малафурису, невозможно разделить биологическую и культурную эволюцию человека. Изобретая и используя когнитивные инструменты (символы, система счета) и материальные инструменты (молоток или зубило), воплощенный мозг создает окультуренную среду. Последняя, в свою очередь, задаёт условия и возможности дальнейшей эволюции человека, использования технических новшеств, которые преобразуют культурную среду и т.д.

Основные постулаты теории материальной вовлеченности

Для того, чтобы лучше понять смысл теории Малафуриса, мы эксплицируем постулаты и идеи, которые сам автор теории материальной вовлеченности энактируемого разума считает ключевыми. Это метапластичность, материальная агентность и материал-энактирующая сигнификация. Все они, с точки зрения Малафуриса, должны рассматриваться как взаимосвязанные характеристики или *эффекты процесса* динамического взаимодействия расширенного воплощенного разума с преобразованной материальной средой.

Метапластичность. Малафурис исходит из предположения о том, что познание было теснейшим образом переплетено с материальной культурой на протяжении всей творческой коэволюции разума и преобразованной среды обитания человека, нейропластичность (способность мозга изменяться) конвергентна культурной пластичности (изменчивости способов материализации вещей) [\[24\]](#), [\[28\]](#). Ход этой эволюции разума и материально-технической культуры характеризует наличие петли обратной связи: изменения когнитивных функций проявляются в изменении форм материальной культуры и наоборот [\[30\]](#), [\[31\]](#).

Идея метапластичности симбиотической коэволюции разума и материальной культуры конвергентна концепции расширенного (*extended*) познания [\[32\]](#). Эта концепция переосмысливает соотношение между внешним и внутренним миром познающего субъекта, между причиной и следствием в процессе познания. Сторонники т. н. «активного экстернализма», сформулированного Э. Кларком и Д. Чалмерсом [\[13\]](#), полагают, что артефакты, – при этом не важно «материальные» они или «идеальные», – фактически становятся частью психики, а психический процесс расширяется во внешний, вещный мир. Например, системы счета (числовые множества, математические символы,

операции с ними и т.д.) являются артефактами человеческого разума. Очевидно, что применение систем счета трансформирует когнитивные возможности человека; аналогично и использование письма (блокнота для записей и авторучки) или подобного приложения для смартфона расширяет в материальный мир память человека. Концепция расширенного познания может быть трансформирована к концепции распределенного познания, когда знание понимается как социально распространенное (*socially extended*) на других агентов, на людей с которыми мы тесно сотрудничаем [31].

Малафурис использует методологический принцип симметрии объяснения. Принцип возникает в «сильной программе» социологии знания Дэвида Блур, а более радикальном виде используется в социологии перевода (акторно-сетевой теории) Джона Ло, Бруно Латура с последователями или концепции «танца агентности» между людьми и артефактами Эндрю Пикеринга [40], в которых постулируется объяснительная и деятельная симметрия между человеческими и нечеловеческими агентами, их взаимное переплетение. Малафурис предлагает отказаться от особого статуса человека как субъекта и нескончаемого источника активности, которому противостоят пассивные объекты. Он предлагает отнестись к материальной культуре всерьез, исследовать конституирующее воздействие материальной культуры на человека [28].

Понятие метапластичности у Малафуриса не совпадает с понятием метапластичности в нейронауке. Первоначально Уиклиф Абрахам и Марк Беар ввели понятие метапластичности для характеристики пластичности отдельных синапсов мозга, для характеристики ситуации, когда предыдущая история активности синапса определяет его текущую пластичность [9]. Метапластичность в теории Малафуриса это метафора способности людей и вещей пластично меняться в ходе их взаимодействия. То есть у Малафуриса метапластичность есть расширенная в материальный мир нейропластичность. Метапластичность характеризует эмерджентную петлю обратной связи процесса взаимного конституирования пластичного разума и меняющейся материально-технической культуры [39].

В этом контексте разум человека следует понимать как «биологический артефакт», потому что он больше не является продуктом естественного отбора. Появление и развитие разума, с этой точки зрения, обусловлены предшествующими результатами деятельной адаптации воплощенного мозга к существованию в преобразованной среде [30], [28]. При этом разум у Малафуриса понимается не как вещь, а как процесс. Человек и его психика открыты внешней среде и переменам, принципиально не завершены [34]. Культурные практики, оформленные в виде артефактов, создавая новые возможности и предметы потребностей, выступают агентами перемен [28], [31].

Справедливости ради, стоит отметить, что идея тесной взаимосвязи эволюции человеческого разума и эволюции культуры не является новой. Новизна теории Малафуриса в том, как, с помощью каких метафор и понятий, он объясняет механизм этой взаимосвязи, какие акценты расставляет. В 1980–1990 гг. была сформулирована теория генно-культурной коэволюции человека. Ее сторонники пишут о значимом культурном влиянии человеческой деятельности на генетическую эволюцию человека, о необходимости по-новому осмыслить изначальное влияние культуры человека на его биологию [50]. Такая трактовка развития человека созвучна теории И. М. Фейгенберга о Человеке Достроенном (*Homo sapiens perimplens*) [8]. С точки зрения И. М. Фейгенберга культурное и техническое развитие *Homo sapiens* следует рассматривать как продолжение биологического развития человека; однако, следует учитывать, что это

развитие происходит принципиально новыми способами с увеличивающейся скоростью. Человек разумный сам себя усовершенствует: достраивает, дополняет, расширяет. Разумный человек самостоятельно создает средства реализации своих жизненных задач, а также сохранения и улучшения своей собственной разумной природы. Человек увеличивает свои моторные способности, усовершенствует и достраивает ключевые системы своей жизнедеятельности: системы терморегуляции, памяти и прогнозирования, репродукции, сенсорную систему, пищеварения и др. [6]. «Если в процессе биологической эволюции в течение очень длительного времени формировались конечности, способные все лучше выполнять сложные движения, – пишет И. М. Фейгенберг, – то уже Человек Разумный продолжил этот процесс несравнимо более быстрым темпом, достраивая свою руку. По существу, история техники – это в значительной степени достройка руки. Огнестрельное оружие, строительные машины, ракеты... Достроенная рука человека позволяет ему сейчас в буквальном смысле слова горы с места сдвинуть, достать и принести на Землю образцы с поверхности Луны» [8, с. 152].

Материальная агентность. Это понятие призвано объяснить как в ходе взаимодействия разума и материальных вещей, последние обретают каузальную действенность, способность определять человеческую активность.

Критика картезианства и традиционного когнитивизма приводит Малафуриса к необходимости переосмыслить привычные метафизические противопоставления внешнего мира и внутреннего, сознания и материи, субъекта и объекта, объясняемого и объясняющего, и др. Малафурис апроприирует словарь акторно-сетевой теории, в которой это переосмысление уже было проведено, и пытается адаптировать спорные понятие «агентности» и «агента» для решения своих задач. И в первую очередь, задачи объяснения того, как возникли и развивались когнитивные функции человека.

Хотя в философии агентность традиционно понималась как способность действовать намеренно, а осуществление агентности заключалось в совершении намеренных действий [48] акторно-сетевая трактовка агентности исключает намеренность. Понятие агентности в акторно-сетевой теории используется для характеристики ситуативной способности участников взаимодействия (актеров) оказывать причинное воздействие, производить эффект [2]. В отличие от субъекта, под которым в философии принято понимать человека, наделенного от природы активностью, понятие агентности в акторно-сетевой теории может характеризовать человеческих и нечеловеческих акторов (имеются в виду роботы, животные, артефакты разного рода, природные силы и т.д.) вне зависимости от степени сознательности последних.

Например, метеороид, падение которого ощутили на себе жители Челябинска 15 февраля 2013 года, может рассматриваться как агент. Потому что он, двигаясь со скоростью около 30 км/с, обладал ситуативной способностью оказывать воздействие на людей и природу (агентностью): он стал причиной ударной волны, которая привела к повреждению многих сотен окон и крыш в городе. Вслед за ударной волной сейсмологами было зафиксировано землетрясение магнитудой 4 балла, а местные власти, в конце концов, были вынуждены закрыть/отменить занятия в школа Челябинска на 2 дня и ввести режим чрезвычайной ситуации [5].

Следуя своему требованию рассматривать вещи всерьез, Малафурис делает акцент на причинном воздействии форм и практик материальной культуры на разум человека, делает акцент на материальности самой агентности [22]. Он критикует человеко-

центричную трактовку агентности, когда первую скрипку в ходе взаимодействия с материальными вещами принято отводить человеку, потому что он изначальный носитель сознания и действия, у него есть намерения и замысел. Трактовка изначальной агентности человека не объясняет как в ходе взаимодействия с материальными вещами возникает разум человека. Малафурис опускает этап планирования и замысла артефакта, он рассматривает только этап непосредственного ситуативного взаимодействия с материалом, когда в динамическом акте разум и материал взаимно обуславливают друг друга.

Таким образом Малафурис приходит к реляционной трактовке агентности: агенты возникают непосредственно в ходе взаимодействия, первичен процесс, а не участники процесса. Материальная агентность – это *эффект взаимодействия* человека с материальной культурой [28],[25].

Парадигмальным примером материальной агентности у Малафуриса становится работа гончара на гончарном круге (см. [28] гл. 9). В этом взаимодействии человек обретает слабо эксплицируемое знание работы с глиной. Малафурис считает глину одним из самых ранних примеров нейросовместимых материалов. Под нейросовместимыми здесь подразумеваются материалы, которые позволяют проецировать на себя значения и смысл, таким образом соединяя нейронную и культурную пластичность. Человек придает качество и форму глине, однако толщина стенок горшка, степень нажима, характер движения рук, определяются самим материалом. В ходе взаимодействия человек влияет на артефакт, а артефакт каузально действует на человека [26],[28].

Реляционная трактовка агентности, предложенная Малафурисом с коллегами, вызвала критику исследователей, разделяющих позиции расширенного разума. Они считают, что реляционная трактовка упускает существенные свойства агентности. Например, сторонники когнитивно-семиотического толкования агентности Хуан Мендоза-Коллазос и Йордан Златев, считают, что в ходе взаимодействия с материальными телами происходит не возникновение, а усиление уже существовавшей агентности [35]; а также в ходе взаимодействия возникает смысл. Малафурис упускает из виду фундаментально асимметричные отношения между субъектом/агентом и средой, а также базовую идентичность агента [11]. Следовательно, агентность артефактов следует рассматривать как производную [36]; подобно невербальным знакам и языкам, чтобы сохранять агентность, артефакты должны быть используемыми, должны интерпретироваться или адаптироваться человеческими существами в человеческих культурах [37].

Материал-энактивирующая сигнификация. Критикуя когнитивистскую теорию репрезентации, Малафурис предлагает теорию «материальных» или энактивных знаков. Энактивный знак определяется Малафурисом в духе прагматизма как вещь, предписывающая и разрешающая какое-то действие. Такие знаки возникают не как внутренние репрезентации явлений внешнего мира, а как метки – появившиеся и оставленные в ходе сенсомоторного взаимодействия с материалами и/или на материальных поверхностях [28], – которые в последствии *могут быть* наделены значением. Означающее и означаемое появляются одновременно, в момент обнаружения их связи. Значение – это не продукт репрезентации, а продукт процесса интеграции между материальной и концептуальной областями [28, с. 90].

В расширенной трактовке разума, которую защищает Малафурис, размываются границы между внешним миром и внутренним, между материальным и когнитивным. Воплощенный

разум захвачен окружающим миром, а материальная среда становится частью психической сферы человека. В ходе культурно-исторического развития разума, благодаря способности к сигнификации, человека сам изменяет свою природу, и эта идея созвучна идеям Л. С. Выготского [\[1, с 9-10\], \[7\], \[49\]](#). Понятию репрезентации Малафурис противопоставляет понятие когнитивной проекции. Когнитивная проекция – пишет Малафурис, – «всеобъемлющая и (в большинстве случаев) бессознательная способность когнитивного агента устанавливать прямые неявные онтологические соответствия между областями опыта. (...) Проекция между феноменальной областью А и феноменальной областью В (ментальной или физической) не является репрезентацией области А через В; это установление онтологического соответствия между А и В. Более конкретно, эти онтологические соответствия в первую очередь включают связи тождества, аналогии, сходства, причинности, изменения, времени, интенциональности, пространства, роли, части и целого...». [\[28, с. 100\]](#).

Понятие когнитивной проекции опирается на концепцию конститутивных символов К. Ренфрю, которые предшествуют возникновению понятий и возникают в ходе установления соответствий разных элементов опыта. Ренфрю определяет конститутивный символ как знак, где символический или познавательный элемент и материальный элемент сосуществуют в некотором смысле имманентно и где один не имеет смысла без другого [\[45\]](#). Малафурис заимствует из книги Ренфрю пример с весом и его измерением. Он считает этот пример хорошей иллюстрацией тесной структурной связи между предположительно внутренней и внешней областями концептуальной карты человека. «Если вес имеет какое-то значение, – пишет Малафурис, – то это значение может быть постигнуто прежде всего разумным телом, а не воплощенным мозгом. Говорить о весе в бестелесном смысле — значит говорить о числовых отношениях, а не о весе как осмысленном опыте. Эти отношения, однако, возможны только после того, как вес возник как символ в контексте практики, то есть как воплощенный осмысленный опыт. Вот почему в данном случае, как предлагает Ренфрю, символ предшествует понятию» [\[28, с. 99\]](#).

Продолжая линию рассуждений своего учителя, Малафурис приводит пример возникновения смысла количества в ходе концептуальной проекции психического опыта на материальные объекты. Дети уже на довербальной стадии развития при манипулировании комочками глины способны воспринимать количество. Ребенок способен – не обращаясь к счёту – непосредственно воспринять количество, воспринять глазами и руками, что два комочка глины меньше, чем три комочка глины [\[21\]](#). Таким образом в ходе смешения двух областей опыта происходит становление материального знака. Комочки глины не репрезентируют количество, но имманентно содержат или несут его на себе. Аналогично понятие количества развивается постепенно в ходе появления новых способов взаимодействия человека с вещами. Мышление (*thinking*), с этой точки зрения, напрямую связано с действием – это процесс творения вещей и взаимодействия с вещами, процесс *овещнения* действий (*thinging*) в ходе взаимодействия с материей [\[27\], \[33\]](#).

Заключение. Цель Малафуриса – создать новый концептуальный аппарат, который позволил бы представить теорию вовлеченности разума в материальный мир как исследовательскую программу, которая связывает вместе археологию, антропологию, философию и когнитивные науки, чтобы ответить на вопрос как, в ходе взаимной энактизации воплощенного разума и материально-технической среды, возникают и развиваются когнитивные функции человека. Вместо исчерпавшей свой потенциал

познавательной метафоры разума как компьютера, который в ходе вычислений накапливает внутри себя репрезентации внешнего мира, теория материальной вовлеченности предлагает метафору симбиотической когнитивно-материальной коэволюции. Предлагается рассматривать разум как воплощенный, как расширенный в материальный мир; когнитивно-психологические и материальные артефакты как нечто производное от первичного процесса когнитивно-материального взаимодействия.

Нельзя сказать, что в настоящий момент теория разума, вовлеченного в материальный мир, является глубоко проработанной и непротиворечивой. Сейчас она похожа скорее на концептуальный эскиз, состоящий из смелых предположений и ярких образов. Понятия материальной агентности и материального знака звучат как оксюморон и справедливо критикуются коллегами. Однако стремление Малафуриса к операционализации абстрактных понятий и конвергенции с теориями, разрабатываемыми в рамках исследовательской программы воплощенного познания, а также сама идея взаимозависимости изменения когнитивных функций с изменениями форм материальной культуры, образующая концептуальное ядро теории, имеют эвристический потенциал. Со временем на базе этого концептуального ядра могут быть сформулированы такие теоретические положения, которые, возможно, смогут быть подкреплены эмпирическими исследованиями, а значит есть вероятность того, что эта теория сможет стать точкой роста когнитивных и философских исследований.

Библиография

1. Асмолов А. Г., Емелин Г. Д., Власова М. А., Фаликман М. В. Психология и нейроархеология: пространство диалога // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 1. С. 1–13.
2. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», «Сети», «Потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. № 1. С. 94–115.
3. Воробьев, Д. Н. Философия символических формаций Эрнста Кассирера и энактивизм: концептуальные параллели в понимании взаимоотношений человека и природы // Духовные основы отношений человек – природа: Материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 января 2022 года / Чувашский государственный аграрный университет. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2022. С. 12–15.
4. Князева, Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.
5. Пинкус, М. На Урале снят режим ЧС, введенный после падения метеорита // Российская газета. 5 марта 2013. Дата обращения: 9 августа 2022. <https://rg.ru/2013/03/05/reg-urfo/snialichs-anons.html>
6. Тихонов, А. С. Принцип взаимозависимости биологического и культурного в реляционно-холистических концепциях природы человека / А. С. Тихонов, В. Р. Петров, Н. А. Сергеева // Духовные основы отношений человек – природа: Материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 января 2022 года / Чувашский государственный аграрный университет. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2022. С. 66–70.
7. Фаликман, М. В. Новая волна Выготского в когнитивной науке: разум как незавершенный проект // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.361>

8. Фейгенберг, И. М. Человек Достроенный и биосфера // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 150–161.
9. Abraham, W. C. Metaplasticity: tuning synapses and networks for plasticity // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. Vol. 9. No. 5. P. 387–397.
10. Adams F., Aizawa K. The bounds of cognition // *Philosophical Psychology*. 2001. Vol. 14. No.1. P. 43–64.
11. Barandiaran X., Di Paolo E., Rohde M. Defining agency: Individuality, normativity, asymmetry, and spatio-temporality in action // *Adaptive Behavior*. 2009. Vol. 17. No. 5. P. 367–386.
12. Chemero, A. *Radical embodied cognitive science*. Cambridge: MIT Press, 2009. 252 pp.
13. Clark A., Chalmers D. The extended mind // *Analysis*. 1998. Vol. 58. No. 1. P. 7–19.
14. Clark, A. *Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension*. New York: Oxford University Press, 2008. 318 pp.
15. Haugeland, J. The nature and plausibility of cognitivism // *Behavioral and Brain Sciences*. 1978. No.1. P. 215–226.
16. Hutchins, E. *Cognition in the wild*. Cambridge: MIT Press, 1995. 402 pp.
17. Hutchins, E. Enculturating the supersized mind // *Philosophical Studies*. 2011. No. 152. P. 437–446.
18. Hutto D., Myin E. *Radicalizing enactivism: Basic minds without content*. Cambridge: MIT Press, 2013. 206 pp.
19. Ihde D., Malafouris L. Homo faber Revisited: Postphenomenology and Material Engagement Theory // *Philosophy & Technology*. 2019. Vol. 32. P. 195–214.
20. Ihde, D. *Postphenomenology and Technoscience. The Peking University Lectures*. Albany: State University of New York Press, 2009. 102 pp.
21. Kaufman E. L., Lord M. W., Reese T. W., Volkman J. The discrimination of visual number // *American Journal of Psychology*. 1949. Vol. 62. No. 4. P. 498–525.
22. Knappett C., Malafouris L. *Material and Nonhuman Agency: An Introduction* // *Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach* / C. Knappett, L. Malafouris (ed). Springer, 2008. P. IX–XIX.
23. Latour, B. *Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford University Press, 2005. 300 pp.
24. Malafouris, L. "Neuroarchaeology": exploring the links between neural and cultural plasticity // *Progress in Brain Research*. 2009. No.178. P. 253–261.
25. Malafouris, L. At the Potter's Wheel: An Argument for Material Agency // *Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach* / Edited by C. Knappett and L. Malafouris. Springer, 2008. P. 19–36.
26. Malafouris, L. Beads for a plastic mind: the 'Blind Man's Stick'(BMS) hypothesis and the active nature of material culture // *Cambridge Archaeological Journal*. 2008. Vol. 18. No 3. P. 401–414.
27. Malafouris, L. Creative thinging: The feeling of and for clay // *Pragmatics & Cognition*. 2014. Vol. 22. No.1. P.140–158.
28. Malafouris, L. *How things shape the mind*. Cambridge, MA: MIT press, 2013. 320 pp.
29. Malafouris, L. Making hands and tools: Steps to a process archaeology of mind // *World Archaeology*. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 38–55.
30. Malafouris, L. Metaplasticity and the human becoming: principles of neuroarchaeology // *Journal Anthropological Sciences*. 2010. Vol. 88. No 4. P. 49–72.

31. Malafouris, L. Metaplasticity and the primacy of material engagement // *Time and Mind*. 2015. Vol. 8. No. 4. P. 351–371.
32. Malafouris, L. Mind and material engagement // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 1–17.
33. Malafouris, L. Thinking as “thinging”: Psychology with things // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. Vol. 29. No.1. P. 3–8.
34. Malafouris, L. Where do you end, and the outside world begin? // *New Scientist*. 2013. Vol. 219. No. 2933. P. 28–29.
35. Mendoza-Collazos J., Zlatev, J. A Cognitive-Semiotic Approach to Agency: Assessing Ideas from Cognitive Science and Neuroscience // *Biosemiotics*. 2022. Vol. 15. P. 141–170.
36. Mendoza-Collazos, J. C. Design semiotics with an agentive approach: An alternative to current semiotic analysis of artifacts // *Meaning, mind and communication – Explorations in cognitive semiotics* / Edited by J. Zlatev, G. Sonesson, P. Konderak. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 2016. P. 83–99.
37. Mendoza-Collazos, J. C. On the importance of things: a relational approach to agency // *Cognitive Semiotics*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 2020–2034.
38. Noë, A. *Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness*. Hill & Wang, 2009. 230 pp.
39. Parisi, F. Temporality and metaplasticity. Facing extension and incorporation through material engagement theory // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019. Vol. 18. P. 205–221.
40. Pickering, A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 296 pp.
41. Renfrew C., Frith C., Malafouris L. Introduction. The sapient mind: archaeology meets neuroscience // *Philosophical transactions of the Royal Society, B: Biological sciences*. 2008. Vol. 363 No. 1499. P. 1935–1938.
42. Renfrew C., Malafouris L. The Cognitive life of things: archaeology, material engagement and the extended mind // *The Cognitive life of things. Recasting the boundaries of the mind* / Edited by L. Malafouris, C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research, 2010. P. 1–12.
43. Renfrew, C. *Archaeology and language: the puzzle of Indo-European origins*. London: Pimlico, 1987. 368 pp.
44. Renfrew, C. Mind and matter: cognitive archaeology and external symbolic storage // *Cognition and material culture: the archaeology of symbolic storage* / Edited by C. Renfrew, Ch. Scarre. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 1998. P. 1–7.
45. Renfrew, C. Symbol before concept: material engagement and the early development of society // *Archaeological theory today* / Edited by I. Hodder. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 122–140.
46. Renfrew, C. Towards a cognitive archaeology // *The ancient mind. Elements of cognitive archaeology* / Edited by C. Renfrew, E. B. W. Zubrow. Cambridge University Press, 1994. P. 4–12.
47. Renfrew, C. Towards a theory of material engagement // *Rethinking materiality: the engagement of mind with the material world* / Edited by E. DeMarrais, C. Gosden, C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2004. P. 23–32.
48. Schlosser, M. Agency // *The Stanford encyclopedia of philosophy* / Edited by E. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/agency>. (Дата обращения 9

августа 2022).

49. Theiner G., Drain C. What's the Matter with cognition? A 'Vygotskian' perspective on material engagement theory // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2017. No. 16. P. 837–862.
50. Tomasello, M. The cultural origins of human cognition. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 248 pp.
51. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge: MIT Press, 1991. 388 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования представленной статьи – концепция материальной вовлеченности Л. Малафуриса, её преемственность идеям Колина Ренфрю, когнитивной археологии, теории развития разума.

Методология исследования состоит в репрезентации ключевых идей Ламброса Малафуриса, их аналитическом разборе и сравнительным анализом различных подходов в изучении интеллектуальных способностей человека.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки новой парадигмы в интерпретации познавательного процесса человека, переосмысления антропоориентированного подхода, уходящего корнями в Новое время и признание того факта, что познание мира осуществится человеком не только интеллектуально, но и телесно. Автор предлагает, опираясь на опыт Малафуриса, по-новому осмыслить процесс человеческого сознания за счет включения в поле научно-философской рефлексии реальных условий жизнедеятельности человека. Сама репрезентация идей Л. Малафуриса, недостаточно известных, в русскоязычном научном дискурсе (о чем свидетельствует отсутствие переводов его работ и обращение автора к англоязычным источникам) обладает значительным эвристическим потенциалом.

Научная новизна представленной статьи связана с подробным анализом центральной идеи Малафуриса о том, что понимание процесса познания требует учета не только мыслительных способностей человека, но и связи человека с внешним миром, в котором результаты его деятельности и природные объекты выступают элементами (агентами) его мыслительной деятельности. Мысль о том, что материальные вещи не являются пассивным материалом, который использует человек в своей деятельности, а обладают некоторой «агентностью», т.е. способностью оказывать влияние на окружающий мир и человека, достаточно нова для отечественной когнитивистики.

Структура и содержание работы. Представленная статья имеет четкую авторскую структуру, облегчающую понимание основных идей, акцентирующую ключевые позиции программы «воплощенного познания» Малафуриса.

Во введении автор знакомит читателя с основной проблематикой научного творчества ученика известного английского археолога Колина Ренфрю – Ламброса Малафуриса, которое относится ко второй волне когнитивно-процессуальной археологии. Автор уточняет, что когнитивно-процессуальная археология была призвана объяснить использование археологического исследования для изучения развития когнитивных процессов. В первой части – «Критика когнитивизма и теории репрезентации», автор статьи показывает ограниченность классического подхода в объяснении познания человека по аналогии со счетной машинкой, запертой в головном мозге человека. И

предлагает более глубокое понимание познания, разрабатываемое Малафурисом в оппозицию к ограниченному когнитивизму. Автор предлагает обзор идеи Малафуриса о познании как процессе производства смыслов в результате динамического взаимодействия воплощенного мозга и форм материально-технической культуры.

В следующей части – «Основные постулаты теории материальной вовлеченности» автор рассматривает три ключевые постулата Малафуриса: метапластичность, материальную агентность и материал-энактивирующую сигнификацию. Тезис о метапластичности заключается в утверждении тесной переплетенности человеческого сознания с материальной культурой. Автор рассматривает утверждение о том, что сознание влияет на окружающий мир, выступает источником формирования культуры, но и само меняется под воздействием культуры. Находит его истоки в теории генно-культурной коэволюции человека И. М. Фейгенберга. Что собственно является развитием мысли Маркса о том, что создавая предметный мир культуры, человек создает себя как общественное существо, совершенствует свои силы и способности, расширяет рамки своего общения, формирует новые потребности и средства их удовлетворения.

Материальная агентность понимается как взаимодействие разума и материальных вещей, в которой последние обретают каузальную действенность, способность определять человеческую активность.

Материал-энактивирующая сигнификация определяется Малафурисом в духе прагматизма, и энактивный знак трактуется как вещь, предписывающая и разрешающая какое-то действие. Такие знаки возникают как метки – появившиеся и оставленные в ходе сенсомоторного взаимодействия с материалами и/или на материальных поверхностях.

Таким образом, по мнению Ламброса Малафуриса разум человека захвачен окружающим миром, а материальная среда становится частью психической сферы человека. В ходе культурно-исторического развития разума, благодаря способности к сигнификации, человека сам изменяет свою природу.

Стиль статьи заслуживает особого внимания, поскольку является удачным примером сочетания научной теоретичности и доступности. Тема статьи достаточно сложна сама по себе, учитывая же специфику идей программы «воплощенного познания» Малафуриса, текст статьи мог стать достоянием небольшой группы специалистов. Однако благодаря ясности изложения, автор статьи добился понятности достаточно сложных философских идей. Это стало возможным благодаря корректному использованию научной лексики с непременно пояснением всех ключевых понятий, иллюстрации основных теоретических положений примерами и аналогиями.

Библиография статьи обширна и включает в себя как работы самого Малафуриса, так и аналитику его работ, а также работы, посвященные изучению проблем когнитивной археологии и теории развития разума. Всего в статье присутствует 51 библиографическая позиция.

Апелляция к оппонентам активно используется автором и включает исследователей, работающих в области когнитивной философии и психологии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленные в статье выводы вполне соответствуют заявленной проблеме. Статья будет интересна широкому кругу читателей интересующихся философией и психологией познавательной деятельности.